

УДК 316.774 : 930.2

С. В. Шпаковская

кандидат исторических наук, доцент
кафедра коммуникационного менеджмента
Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

РОССИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ ПРОТИВ ЦАРСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Аннотация. В статье рассматривается влияние российской прессы на пореформенное развитие России с 1861 по 1917 год. На большом фактическом материале, включающем статьи из газет и журналов того времени, делается вывод, что российская печать изучаемого периода, причем не столько протестная, нелегальная, а «разрешенная цензурой», самым активным образом участвовала в разрушении информационного фундамента страны и делала это различными способами. Вместо того чтобы пресекать негативные выпады в свой адрес, государственная власть заняла пассивную позицию и тем самым только способствовала консолидации антимонархических сил в России. Все это в совокупности с остальными причинами и привело к разрушению российской государственности в 1917 году со всеми вытекающими трагическими последствиями.

Ключевые слова: пропаганда, агитация, экономика и политика, губернская печать, негативная информация, информационное поле.

S. V. Shpakovskaya

Candidate of historical sciences, associate professor
department of Communication Management
Penza State University, Penza, Russia

THE RUSSIAN PRESS AGAINST THE TSARIST AUTOCRACY

Abstract. The article deals with the impact of Russian media on the development of post-reform Russia from 1861 to 1917. On a large amount of factual material, including articles from newspapers and magazines of the time, it is concluded that the Russian press of that period, not the protest and illegal, but «permitted censorship» most actively involved in the destruction of the foundation of the country's information, and to do it by a different ways. However, the government, instead of stop negative attacks in the address in the bud, silently turned a blind eye to it and thus only contributes to the consolidation antimonarchist forces in Russia. All this together with all the other factors led to the destruction of the Russian state in 1917, with all its tragic consequences

Key words: provincial seal, advocacy, campaigning, negative information, the information field, economics and politics.

Вряд ли сегодня нужно доказывать, что «Великие реформы» 60-х годов XIX в. имели для России судьбоносное значение. Однако наряду с положительными моментами их влияние на развитие страны во многом было весьма негативно. Сломанные судьбы наказанных за противоправные выступления крестьян, огромное количество людей как среди «низов», так и среди «верхов», не сумевших приспособиться к новым условиям, посеянные в народе семена недовольства – все это было точно таким же следствием отмены крепостного права, как и наблюдавшееся оживление в экономике страны.

Положительные сдвиги в уровне жизни населения России вызвали, в частности, и увеличение среднего роста и веса мужчин призывного возраста, что объяснялось рядом следующих факторов: увеличением душевого производства продуктов питания; ростом доходности крестьянских хозяйств; уменьшением налоговых тягот, так как в России норма обложения была ниже, чем во многих развитых странах; повышением цен на зерно в связи с интенсивным экономическим развитием Англии и Германии. При этом необходимо отметить феноменальное повышение грамотности, поскольку грамотные люди имели значительно более высокие доходы по сравнению с неграмотными [1, с. 81].

Новые данные о повышении благосостояния населения позволяют иначе взглянуть и на некоторые спорные вопросы истории пореформенной России. В отдельных случаях снижение благосостояния населения в пореформенное время объяснялось либо крупным неурожаем (например, в 1891–1892 гг.), либо начавшейся русско-японской войной и последовавшей за ней революцией. Хотя основная часть населения в это время по-прежнему жила бедно, общая динамика была позитивной, то есть уровень благосостояния медленно, но неуклонно поднимался, а не опускался, как считалось в советское время. Подтверждает это и принятый ООН в 1990 году так называемый индекс человеческого развития, или ИЧР, увязывающий воедино показатели продолжительности жизни, индекс образования (т.е. процент грамотности в стране) и индекс производства валового внутреннего продукта на душу населения. И хотя после «Великих реформ» этот индекс оставался в России ещё очень низким, его рост нельзя отрицать, а вместе с ним нельзя отрицать и высокие темпы экономического развития страны, которые в 1861–1913 гг. были сопоставимы с европейскими, хотя и отставали от темпов роста экономики США [2, с. 61–62].

Отметим, что политическое развитие России после 1861 года также было достаточно успешным. Российское общество быстро эволюционировало от самодержавия к конституционной монархии по западноевропейскому образцу, и в период 1905–1906 гг. фактически и стало таковым. Появились политические партии различного толка, буквально тысячи всевозможных общественных организаций, и в достаточной степени свободная пресса, во многом формирующая общественное мнение страны. Все это позволяло вполне доказательно говорить о том, что еще одно-два поколения, и все эти изменения вошли бы в плоть и кровь российского общества, и тогда демократические преобразования в нашей стране приняли бы необратимый характер. Об этом же говорит и тот факт, что именно этот строй был реставрирован в итоге в России в ходе реформ 1990-х годов, последовавших за провалом «опыта» построения «социалистического общества».

Как, однако, совместить очевидные успехи страны и столь же очевидный рост недовольства и оппозиции режиму со стороны либерально-демократической общественности, развитие массового протестного движения в стране, имевшего место в России в 1905–1907 гг., а впоследствии и в 1917-м году? Б. Н. Миронов подчеркивает, что два массовых социологических опроса, проведенных соответственно в 1872 и 1902 годах, указывают на разделение мнений современников относительно положения крестьян после отмены крепостного права. Одни полагали, что условия жизни улучшились, доходы крестьян возросли, что по сравнению с дореформенным временем они стали лучше питаться и одеваться. В то время другие утверждали, что ничего подобного не произошло. По общему убеждению, уровень жизни населения в абсолютном смысле, безусловно, возрос, но в то же время его улучшение не соответствовало ожиданиям народных масс, отставало от уровня их притязаний, и потому многим казалось, что положение, напротив, ухудшилось. Впрочем, почему это было именно так. Понимали это даже люди того времени, например, известный поэт Афанасий Фет, сделавшийся после реформы по отмене крепостного права сельским предпринимателем и подвергшийся за это жестокому шельмованию именно со стороны либеральной печати в лице Некрасова и Салтыкова-Щедрина. По этому поводу А.Фет высказывался таким образом: «Искусственное умственное развитие, раскрывающее целый мир новых потребностей и тем самым... опережающее материальные средства известной среды, неминуемо ведет к новым, небывалым страданиям, а затем и к вражде с самой средою... Считаю

величайшим неразумием и жестокостью преднамеренно развивать в человеке новые потребности, не имея возможности дать ему и средства к их удовлетворению» [3, с. 195–196]. Причем повышение уровня жизни, коснувшееся также и привилегированных классов, воспринималось как неудовлетворительное, потому что наряду с богатством далеко не все представители получили и власть. К тому же благосостояние определенной части дворянства и духовенства в результате реформ не улучшилось, а ухудшилось. Например, чиновники и духовенство практически всегда выражали неудовлетворенность своим материальным положением [4, с. 93, с. 97, с. 106–110]. Офицерству постоянно не хватало денег даже на обмундирование. Приходилось постоянно одадживаться, либо вести жизнь «не по средствам» за счет сумм, присылаемых из дома [5, с. 257]. Причем для военного сословия это положение ничуть не изменила ни одна из военных реформ, и даже введение в 1908 году новой более дешевой формы защитного цвета [6, с. 200]. Дело в том, что по инициативе государя императора Николая II в 1912 году в год юбилея войны 1812 года армии был даден еще и комплект весьма дорогостоящей парадной униформы, схожей с образцами столетней давности и «опирающейся на славные традиции прошлого». Так, равно как и разрешением в армии дуэлей, власти пытались поднять престиж службы в царской армии, сильно пострадавший от поражения в войне с Японией, однако на деле это привело лишь к увеличению расходов на экипировку, но никак не к повышению боевого мастерства и росту материального благосостояния офицерских кадров.

Здесь следует заметить, что свои «коготки», пусть пока ещё и не очень острые, российская пресса стала показывать в отношении власти уже в 70-ые годы XIX века. А началось все с того, что, когда было решено восстанавливать флот на Черном море, потерянный в годы неудачной для России Крымской войны, денег на это как всегда не хватило. То есть их не хватило на современные боевые корабли, вместо которых было решено построить суда совершенно необычного вида – «поповки», названные так в честь их создателя адмирала А.А.Попова. Корабли были круглыми, но при этом имели самую толстую на то время броню и самые мощные, по сравнению с другими кораблями, орудия. Именно их молодая пореформенная российская пресса и принялась яростно критиковать. Первую статью о спущенных на воду «поповках» поместила газета «Голос» [7, с. 3], причем даже тогда отмечалось, что качество статей в этой газете было обычно ниже всякой критики, поскольку писались они не спе-

циалистами. «Голос» критиковал «поповки» за их высокую стоимость, отсутствие тарана и многие другие недостатки, подчас откровенно надуманные авторами этих статей. Даже «Биржевые ведомости» выступали с критикой этих судов. Один из современников писал: «*Все газеты* (курсив автора) полны упреков морскому ведомству (между строк нужно читать: великому князю Константину Николаевичу) ...». Но самое главное заключалось в том, что писали о недостатках этих кораблей главным образом неспециализированные издания. Ведомственные издания либо отмалчивались, либо ограничивались скудными комментариями. Дело было в том, что нападать на «поповки» было безопасно: «недостатки налицо», «патриотично» («потому, как за державу обидно») и одновременно очень легко, так как даже будущий наследник престола (имеется в виду Александр III) судов этих не одобрял и называл их «погаными» [8, с. 94].

Между тем военно-морские специалисты прекрасно видели все недостатки новых судов, но только что они могли сделать в таких неблагоприятных условиях, как отсутствие средств и современной технической базы на месте строительства. К тому же «поповки» отлично выполняли поставленную перед ними задачу. В годы русско-турецкой войны турецкий флот так и не дерзнул бомбардировать ни Одессу, ни Николаев, так что все разговоры о полной бесполезности этих судов были вряд ли оправданы.

Казалось бы, чего тут особенного: пресса взялась критиковать плохие корабли. Так это же проявление гражданской позиции. Например, в Англии и корабли, и их строителей ещё как критиковали в печати. Однако вся разница заключалась в том, что в Англии все люди были гражданами, там существовали демократические институты, поэтому активная гражданская позиция прессы была в порядке вещей. В России гражданского общества не было, поэтому любая критика в адрес властей сразу же воспринималась «как покушение на основы». Властям нужно было бы незамедлительно положить ей конец, высмеять нелепость критики «поповок» через статьи оплаченных из государственной казны журналистов; также стоило бы напомнить, что мнение неспециалистов по такому вопросу, как военно-морское строительство, не стоит ни гроша, здесь можно привести пример из басни И.А. Крылова «Шука и Кот»: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник». Наконец, можно было бы просто запретить писать об этом. Но, видимо, царизм надеялся на свою силу, не стал разбрасываться «по мелочам», между тем полемика по вопросу о «поповках» стала в нашей истории первым примером общественного обсуждения военно-морской политики российской

державы, причем примером показательным, так как продемонстрировала всем желающим, что есть темы и вопросы, по которым можно совершенно безнаказанно критиковать в стране власть любого уровня (хотя бы даже и между строк), писать совершенно непрофессионально, и тем не менее даже таким образом вызывать в обществе волну недовольства.

Однако пока ещё, несмотря ни на какие критические статьи, фундаментом социальных представлений о власти и в конце XIX и в начале XX века по-прежнему оставался монархизм. Причем для русского человека монархия являлась скорее не властным институтом, а частью нравственного идеала, опиравшегося на глубокую религиозность, внушавшуюся ему с детства. Вот почему даже в период таких серьезных испытаний, как русско-японская война и революционные события 1905-1907 годов, в стране сохранялись все условия для выживания монархии. Накануне празднования 300-летнего юбилея династии Романовых в 1913 году идеология монархии пополнилась ещё и положениями о самодержавии как надклассовой силе, единстве веры, морали, царя и народа [9, с. 40-41].

Показательно, что даже такие сторонники либеральных реформ и демократии, убежденные в исторической бесперспективности самодержавия офицеры, как, например, военный министр А.Ф. Редигер, одновременно были и вполне верноподданными монархистами, а сама реформа самодержавия виделась им делом весьма и весьма отдаленного будущего.

«По убеждениям своим я был монархистом, я считал, что Россия может управляться лишь твердой властью, независимой от преходящих течений и общественных настроений. А этому требованию удовлетворял лишь самодержавный строй; от самодержавия должны были исходить (как при Александре II) те реформы, которые требовались жизнью. Несомненно, Россия со временем должна была обратиться в конституционное государство по примеру остальной Европы, но к этому ее еще надо было подготовить, постепенно расширяя самодеятельность общества, и я на отказ от самодержавия смотрел как на неизбежное в будущем зло. Такому взгляду, конечно, способствовало и то, что я в нем был воспитан с детства» [10, с. 283].

Заметим, что в то время официальная пропагандистская машина, включая и печать, делала упор на следующие компоненты. Во-первых, считалось необходимым доказать, что только существующая власть, достойно продолжая лучшие традиции Дома Романовых, способна обеспечить будущее России, само ее существование, благополучие нынешних и грядущих поколений,

и поэтому всеми силами ее нужно поддерживать и укреплять. Во-вторых, упор делался на признание ценностей патернализма в качестве доктринальных основ внутренней политики. Народ нуждался в доказательствах заботы и покровительства со стороны этой власти, и задачей пропаганды должен был стать поиск этих доказательств. Поэтому россиян призывали к единению с самодержавием, преодолению признаваемого разрыва между царским самодержавием и народом [11, с. 110].

С 21 февраля 1913 г., сменяя друг друга, перед поданными предстала беспрецедентная по масштабам череда гуляний, театрализованных зрелищ, парадов и молебнов. Специальный комитет, занимавшийся устройством юбилея, предусмотрел и чеканку медалей, и закладку часовен, памятников, и амнистии осужденных. В губерниях выстраивались целые очереди на право получения памятных медалей [12].

Посещая в рамках торжеств российские города, царь мог воочию видеть поддержку народа. Непосредственным участникам действия происходившее напоминало грандиозную инсценировку: «Все окна в домах во время следования царского кортежа зачем-то должны были быть закрыты (потом при проезде они были не только открыты, но буквально усеяны народом). И их закрывали чуть ли не с шести часов утра». «Братцы, отпустите. Дайте посмотреть царя-батюшку. Ну и что, что выпимши малость... от радости, видит Бог, от радости... Шутка ли, царское величество сейчас увидим. Ну, я и того». «Невежа, свинья, – слышалось со всех сторон. – Не мог подождать... проводил бы, тогда хоть облопайся» [13, с. 16].

По мнению редактора «Пензенских губернских ведомостей» Д. Позднева, целью печатного слова должно было стать устранение пренебрежения ко всему «родному, русскому, которое замечается в известной части нашего общества», уничтожение «космополитизма», разлагающего нашу национальную мощь и отравляющего «русский общественный организм». И на этом информационном поле («площадке», по выражению Д. Позднева) в самом центре следовало закрепить образ монархической власти и ее олицетворение в образе Николая II с его «августейшим семейством». Решение этой задачи было напрямую связано с «национальным самоопределением» под эгидой самодержавия, с «развитием культурного единства» и «русского национализма» [14, с. 2].

В поисках народной поддержки советники Николая II пытались уменьшить пропасть между императором и его подданными, придав ему сходство с простым смертным. Таким был образ

царя в официальной популярной биографии «Царствование Государя Императора Николая Александровича», которая появилась в газетных приложениях, а затем вышла отдельной книгой в 1913 году. Автор – профессор и генерал А. Г. Ельчанинов – был членом императорской свиты, и хотя он и восхвалял прошлое России, биография царя была весьма современной по характеру своего изложения и содержанию. Автор сделал попытку создать новый образ царя, напоминающий больше миссионера, добывающего хлеб во враждебной для него стране трудом рук своих. «Ныне прилежание, а не героизм отличают русского царя...» Император предстает «венценосным тружеником», чей неустанный и тяжелый труд не идет ни в какое сравнение с трудом обычных людей, предстает... неизменно служащим, в самых даже мельчайших делах высоким примером твердой «верности в исполнении собственного долга» [15, с. 31; 16, с. 78].

С другой стороны кадет А. И. Шингарев в своей напумевшей книге «Вымирающая деревня», написанной им в 1907 году, сознательно сгустил краски в описании повседневного быта российских крестьян, лишь бы только «очернить» самодержавие [16, с. 181–237]. Получается, что любой негативный факт, имевший место в России, вместо скрупулезного изучения его причин и следствий, однозначно трактовался как результат «гнилости царского самодержавия». И «плач по крестьянству» был также одним из действенных приемов борьбы с ним.

При этом необходимо подчеркнуть, что подобные действия с точки зрения сегодняшнего дня представляли собой уже в то время присутствовавшие в России различные виды «паблик рилейшнз», направленные на дискредитацию своего конкурента [17].

Известно, например, какую роль в падении правившей в России династии Романовых сыграла книга-фотоальбом «Царица и «Святой черт», изданная за границей А. М. Горьким на деньги будущего члена Временного правительства В. Пуришкевича. Она продавалась на Невском проспекте в Петербурге по самым бросовым ценам вплоть до самого отречения Николая II от престола. Содержание её представляло собой претенциозно подобранные и вырванные из контекста фрагменты переписки царя и царицы с Распутиным, а также откровенный фотомонтаж [18]. Однако свою роль это издание сыграло, оказав самое пагубное воздействие на мнение народных масс, даже на ту часть населения, которая книги не видела, лишь слышала о её существовании посредством народной молвы.

Таким образом, совершенно очевидно, что развитие независимой прессы в стране – это «палка о двух концах», потому что использована она может быть, как во благо, так и во зло существующему в ней государственному строю и правительству. Между тем именно развитие прессы в России в пореформенное время и особенно накануне и в ходе революции 1905–1907 гг. было особенно быстрым и по сути неконтролируемым.

Б. Н. Миронов в этой связи говорит о том, что, учитывая совокупность всех факторов, связанных с тремя революциями в России, можно сделать доказательный вывод: все они стали следствием блестящей PR-активности противников монархии. Грандиозные усилия по дискредитации власти в печати, умелая пропаганда идей революции в массах, манипуляция общественным мнением – все это в итоге принесло плоды и в равной степени показало возможности «паблик рилейшнз» и печатного слова в борьбе за власть. Очевидно, что либерально-радикальная общественность сначала выиграла у правительства информационную войну в информировании населения России и только уже после этого захватила власть [1, с. 85]. С этой его точкой зрения сегодня солидаризируются многие ученые [19, с. 117–185].

События Первой мировой войны в этом плане как нельзя более соответствовали целям «ниспровержения основ», так как позволяли объяснять все военные неудачи недостатками самодержавия. При этом содержание массовых настроений в годы войны ожидал процесс стремительной трансформации. Единение общества и монархии перед лицом нависшей опасности было неподдельно искренним. Безусловно, в обмен на жертвы народ, согласно концепции патернализма, культивировавшейся в традиционном обществе, вправе был ожидать «царской милости», представления о которой, однако, у отдельных социальных групп существенно расходились. Крестьяне мечтали о наделении земель, рабочие ждали улучшения своего материального положения, «образованные слои» – участия в управлении государством, солдатские массы – заботы о своих семьях, представители национальных меньшинств – политической и культурной автономии и т.д. Крушение социальных чаяний и погружение общества в хаос анархии и кризиса, «слабость» монархической власти, ее неспособность разрешить противоречия социального развития привели к формированию антимонархического идеала, в котором царь из «отца-заступника» превратился в главного виновника народных бедствий.

Любая, даже незначительная ошибка правительства в организации PR-воздействия на общество в прессе однозначно

трактовалась в негативном плане. Причем этому способствовала и центральная, и губернская печать, в том числе и издания духовного содержания. Так, массовое распространение в Пензенской губернии открыток с «совместным изображением его Императорского Величества государя императора Николая II и Вильгельма II...» вызвало недовольство и «смятение» у крестьян, помнящих издевательства немцев-управляющих в бытность крепостничества, о чем сообщали на своих страницах «Пензенские епархиальные ведомости». «— А немцев вы любите? — Как же мне любить-то их, когда все мерзости ихния у меня пред глазами были», — возмущался крестьянин с. Бессоновки С. Тимофеевич. Все им сказанное было тут же напечатано в «Пензенских епархиальных ведомостях», хотя негативный тон материала совершенно очевиден, и его явно не следовало бы печатать, чтобы лишний раз не нагнетать страсти в народе.

Массовое сознание в тот период времени было противоречивым и многослойным. Одна треть российского общества сохраняла приверженность традиционным ценностям [20, с. 286]. Тем не менее участь страны была предрешена, так как этого количества было недостаточно. Следовательно, никакие усилия ни центральной, ни местной печати (в тех случаях, когда она сохраняла верность престолу) не могли ничего изменить.

Библиографический список

1. Миронов Б. Когда в России жилось хорошо? // Родина. — 2008. — № 5. — С. 80-85.
2. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2003. — 256 с.
3. Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 472 с.
4. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 тт. — Т.1, 2. — 3-е изд., 2003. — 583 с.
5. Бегунова А.И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. — М.: Молодая гвардия, 2000. — 392 с.
6. Голыженков И., Степанов Б. Энциклопедия военного костюма. Европейский солдат за 300 лет (1878-1918). — М.: Изографус, Эксмо, 2001. — 240 с.
7. Оборонительное значение поповок // Голос. 1874. 16 октября. С. 12.
8. Болтрукевич В. Поповки, проклятые или проклятые? // Родина. — 2011. — № 12. — С. 92-94.

9. Ключевский В.О. Курс русской истории: соч. в 9-ти т. Т.1. // М.: Мысль, 1987. – 625 с.
10. Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 2. - М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1999. – 2054 с.
11. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука, 1990. – 224 с.
12. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 103. ОП. 1. Д. 1825. Л. 3-3 об.
13. Дворжанский А.И. Пензенский временник любителей старины. – 2000. – № 9. – С. 3–66.
14. Пензенские губернские вести. – 1 января 1914. – № 1.
15. Ельчанинов А. Царствование Государя Императора Николая Александровича. - СПб.: типография Т-ва И.Д. Сытина, 1913. – 134 с.
16. Давыдов, М.А. 2003. Очерки аграрной истории России в конце XIX - начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). – М.: Издательский центр РГГУ. – 2003. – 565 с.
17. Шейнов В.П. Пиар «белый» и «черный»: технология скрытого управления людьми. - Минск: АСТ, Харвест, 2007. – 672 с.
18. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы первой мировой войны. - М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.
19. Куликов С.В. Революции неизменно идут сверху...: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. – СПб. – 2007, – № 11. – С. 117-185.
20. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914 – 1918 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2000. – 359 с.

References

1. Mironov B. Kogda v Rossii zhilos' khorosho? [When in Russia to live well?] *Rodina - Homeland* 2008, no. 5, pp. 80-85.
2. Gregori P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo KhKh v.): Noveye podschety i otsenki* [Economic growth of the Russian Empire (the end XIX – early XX century): New calculations and estimates]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2003, 256p.
3. Fet A.A. *Zhizn' Stepanovki, ili Liricheskoe khoziaistvo* [Stepanivka life, or lyrical economy]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 472p.
4. *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – early XX v.)* [Social History of Russian imperial period (XVIII– the beginning of the XX century.)]. In 2 Vol. Vol.1, 2, 2003, 583 p.

5. Begunova A.I. *Povsednevnaia zhizn' russkogo gusara v tsarstvovanie Aleksandra I.* [Daily life of the Russian hussar in the reign of Alexander I]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2000, 392p.
6. Golyzhenkov I., Stepanov B. *Entsiklopediia voennogo kostiuma. Evropeiskii soldat za 300 let (1878-1918).* [Encyclopedia of military costume. European soldiers for 300 years (1878-1918)]. Moscow, Izografus, Eksmo Publ., 2001, 240p.
7. *Oboronitel'noe znachenie popovok* [Defensive value of «popovka vessels»] Golos Publ., 1874. 16 oktjabrja.
8. Boltrukevich V. Popovki, proklatye ili proklatye? [Popovki, damned or damned?] *Rodina – Homeland*, 2011, no. 12. pp. 92-94.
9. Kliuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii: soch..* Vol.1. [Course of Russian History]. Moscow, Mysl Publ., 1987, 625p.
10. Rediger A.F. *Istoriia moei zhizni.* [Story of my life] Vol. 2. Moscow, Kanon-press Publ., 1999. 2054 p.
11. Berdiaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origin of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 224p.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO) F. 103. OP. 1. D. 1825. L. 3-3 ob.*
13. Dvorzhanskij A.I. *Penzenskij vremennik ljubitelej stariny* [Penza vremennik lovers of antiquity]. 2000, no. 9. pp. 3-66.
14. *Penzenskie gubernskie vesti.* 1 janvarja 1914, no.1.
15. El'chaninov A. *Tsarstvovanie Gosudaria Imperatora Nikolaia Aleksandrovicha* [Reign of Emperor Nicholas Alexandrovich]. - SPb.: tipografiia T-va I.D. Sytina Publ., 1913, 134p.
16. Davydov, M.A. 2003. *Ocherki agrarnoi istorii Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (Po materialam transportnoi statistiki i statistiki zemleustroistva)* [Essays in agrarian history of Russia in the end XIX - early XX centuries. (According to the statistics of transport and land use statistics)]. Moscow, Izdatel'skii tsentr RGGU Publ., 2003, 565p.
17. Sheinov V.P. Piar «belyi» i «chernyi»: tekhnologiya skrytogo upravleniia liud'mi. [PR «white» and «black»: the hidden technology of managing people]. Minsk: AST, Kharvest, 2007, 672 p.
18. Kolonitskii B. «*Tragicheskaja erotika*»: obrazy imperatorskoi sem'i v gody pervoi mirovoi voiny [«Tragic erotica»: Images of the imperial family during the First World War]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, 664 p.
19. Kulikov S.V. *Revoliutsii neizmenno idut sverkhu...: Padenie tsarizma skvoz' prizmu elitistskoi paradigmy* [Revolution invariably go on ...: Falling through the prism of the tsarist elitist paradigm] St. Petersburg, Nestor Publ., 2007, no. 11, pp. 117-185.
20. Porshneva O.S. *Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'ian i soldat Rossii v period Pervoi mirovoi voiny, 1914 – 1918 gg.* Diss. doct. ist. nauk [Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First World War, 1914 – 1918 years] Ekaterinburg, 2000, 359 p.

Информация об авторе

Шпаковская Светлана Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра коммуникационного менеджмента, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Россия, e-mail: svetashpak1@mail.ru.

Author

Shpakovskaya Svetlana Vyacheslavovna – Candidate of historical sciences, associate professor, department of Communication Management, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, Russia, e-mail: svetashpak1@mail.ru.